

АЛЕКСАНДР
КОЛПАКИДИ

МАРАТ
НИГМАТУЛИН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГЕРИЛЬЯ

ПАРТИЗАНСКАЯ
ВОЙНА
ПРОТИВ НАТО
В ЕВРОПЕ

Прямое действие (Алгоритм)

**Европейская герилья.
Партизанская война
против НАТО в Европе**

«Алисторус»

2023

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Европейская герилья. Партизанская война против НАТО в Европе
/ «Алисторус», 2023 — (Прямое действие (Алгоритм))

ISBN 978-5-00222-125-7

Шестидесятые-девяностые годы прошлого века в Европе часто представляют золотым веком: росла экономика, а с ней и уровень жизни, высшее образование и медицина стали доступны массам, процветало социальное государство, а тёмное тоталитарное прошлое с его национализмом и ненавистью постепенно забывалось... Однако в реальности не всё было так гладко. На фоне беспрецедентного роста уровня жизни в Европе поднималось новое, невиданное доселе движение рабочих и студентов. Италию, Францию, Британию сотрясали многомиллионные забастовки. Восставали студенты. Тысячи молодых людей по всей Европе бросали учёбу, карьеру, семьи — и уходили в подполье, чтобы с оружием в руках сражаться за социализм. Их главными врагами стали НАТО, капитализм. Американская гегемония. Кто-то из них героически погиб в тюрьмах и перестрелках. Кто-то предал идеалы юности и вошёл в либеральный истеблишмент. А кто-то так и продолжает борьбу до сих пор — иногда сменив пистолет на перо, а иногда так и не сложив оружия. Эта книга рассказывает о левом подполье в странах Западной Европы в 1960-1990-е годы. О «Красных бригадах» в Италии и «Фракции Красной Армии» в ФРГ, об ирландском, баскском и каталанском национально-освободительном движении. Про герилью во Франции и революционную борьбу британских анархистов. Про революционеров-экспроприаторов из Дании и подпольщиков Бельгии, про греческих партизан и революционных пиратов из Португалии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-125-7

, 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

Две части наследия 1968 года: левые между постмодернистским экскапизмом и городскими герильями	7
«Забота о себе» против истины	8
Случай Валлерстайна	13
Европейские городские герильи – навстречу «третьему миру»	16
Литература	24
РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ	26
Буйные студенты и городские партизаны	27
Последователи Мао и Че Гевары	32
Сторонники полного безвластия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Колпакиди, Марат Нигматулин

Европейская герилья: партизанская война против НАТО в Европе

© Колпакиди А.И., 2023
© Нигматулин М. В., 2023

Две части наследия 1968 года: левые между постмодернистским экскапизмом и городскими герильями Сергей Соловьёв

Вокруг наследия 1968 года продолжают идти дискуссии, и не только по причине минувшего полувекового юбилея событий «студенческой революции». Массовая политизация студенческой молодежи в, казалось бы, благополучной Европе, ставший культурной нормой антикапитализм, изменения в системе образования – все это продолжает привлекать внимание. С точки зрения культурных изменений, события 1968 года до сих пор во многом продолжают определять нашу жизнь. Достаточно вспомнить кризис традиционной семьи, который начался еще до 1968 года, но именно в конце 1960-х гг. старая модель патриархальной семьи стала уходить в прошлое. В этой статье речь пойдет прежде всего не о культуре, а о политике, причем в первую очередь о политических и теоретических последствиях 1968 г. для левого движения и левой мысли.

То, что события 1968 г. во многом определили культурные трансформации последней трети XX века – неоспоримый факт [Hobsbawm, 1995: 331–335], но их политические последствия остаются предметом дискуссий. Исторический социолог М. Манн в последнем томе своей амбициозной тетралогии «Источники социальной власти» события 1968 г. вовсе не упоминает (как и Западную Европу в целом) [Mann, 2012], а Иммануил Валлерстайн придает им решающее значение [Wallerstaein, 1996: 171]. Для левых 1968-й стал частью основополагающего мифа, который разделяется и частью либерального истеблишмента, часть которого составляют бывшие левые (Й. Фишер, Д. Кон-Бендит и многие другие).

Согласно основной гипотезе статьи, 1968 г. стал для западных (прежде всего европейских) левых тяжелейшим историческим поражением, проявившимся и на уровне организации, и, что оказалось еще более тяжелым по долгосрочным последствиям, на уровне теории. Задача данной статьи заключается в том, чтобы показать два важнейших явления, которые не вписываются в распространенные мифы о 1968-м годе: теоретический и мировоззренческий кризис левых, с одной стороны, и ультрарадикальную попытку его преодоления, с другой.

В связи с используемой далее терминологией следует сделать важное замечание. Слово «левый» стало очень удобным – оно лишено конкретики и подразумевает лишь очень условную политическую окраску. Вроде бы все знают, кто такие «левые», но под этим обозначением могут уживаться не просто различные – но прямо противостоящие друг другу феномены. Одно из последствий 1968 года в теории и политике заключается именно в том, что из понятия «левый» постепенно вымывалось конкретное содержание, становясь, говоря языком «новых левых», все более безопасным для капиталистической Системы. Поэтому дать точную дефиницию понятию «левый» оказывается невозможно, можно лишь подразумевать под ним критическую позицию по отношению к авторитарности, неограниченному рынку (но совершенно не обязательно – капитализму как таковому), государственной диктатуре и угнетению. Звучит абстрактно, но значение понятия «левый» размыто настолько, что любая более конкретная формулировка оставит за бортом ряд политических структур, движений и персоналий, которые идентифицируют себя именно как левые.

«Забота о себе» против истины

Подъем левого движения в Европе конце 1960-х годов, пиком которого стал 1968 г., уже в начале 1970-х сменился спадом. В течение этого десятилетия в идеологической борьбе и государственной экономической политике решительно победил неолиберализм: сначала в Чили, а затем и в странах центра, в Великобритании и США [Harvey, 2007: 39–63]. С развалом СССР победа неолиберализма над левыми, казалось, стала окончательной.

Большая часть левых – в основном традиционные социал-демократы и еврокоммунисты, а также активисты студенческих выступлений – более или менее успешно инкорпорировались в существующую систему, отказавшись от значительной доли или от всех своих программных требований и принципов. Такой стремительный отказ от борьбы и признание поражения после всех политических сражений XIX и первых двух третей XX в. объясняется не только размыванием традиционной опоры левых – промышленного пролетариата, – но и теоретической деградацией левого движения.

Предпосылки бегства от действительности в работах левых теоретиков можно найти еще до 1968 г. Рауль Ванейгем, один из двух создателей ситуационизма, еще до поздних работ Мишеля Фуко, пришел к выводу о необходимости гедонизма как способа борьбы с капиталистическим отчуждением. «Безмятежная свобода наслаждения» [Vaneigem, 2001: 255] – вот его принцип, поставленный вне всякого исторического контекста, очередная апология сексуальной революции, высмеянная традиционными марксистами, в частности, историком Э. Хобсбаумом [Hobsbawm, 2007: 284–288]. Это принцип был положен в основу «радикальной субъективности» Ситуационистского интернационала. В конце этой книги Ванейгем предлагает стандартный набор анархистских принципов: отказ от организации, иерархии, постоянная революция в повседневной жизни (без объяснения). В книге звучат мантры, способные увлечь часть молодежи, но далекие от какого-либо анализа действительности: «Новая невинность – это строгое здание абсолютного уничтожения»;

«Варварство бунтов, поджоги, дикость толпы, излишества, повергающие в ужас буржуазных историков – вот лучшая вакцина против холодной жестокости сил правопорядка и иерархизированного угнетения» [Vaneigem, 2001: 269].

Эта ницшеанская публицистика нравилась части студентов, но, совершенно очевидно, не могла ни даже их увлекать надолго, ни хоть каким-то образом превратиться в собственно политическое действие [Hobsbawm, 2007: 341–343].

Сочинения второго лидера ситуационистов – Ги Дебора – отличаются большей системностью, но также пронизаны словесным радикализмом и своего рода наивным анархизмом. Ги Дебор, например, традиционно обвиняет большевиков в том, что они становятся «группой профессионалов по абсолютному руководству обществом», разумеется, не указывая, что им следовало делать в ситуации 1917 г. и Гражданской войны. Общий вывод Дебора таков:

«Сплоченность общества спектакля определенным образом подтвердила правоту революционеров, поскольку стало ясно, что в нем нельзя реформировать ни малейшей детали, не разрушая всей системы».

Но этот вывод оказался далек от действительности. Зеленые движения, в которые мигрировали многие выходцы из протестов 1968 г., феминистское движение, борьба за права ЛГБТ показали, что там, где реформа не угрожает капитализму как таковому, она вполне может быть проведена и даже вполне встроиться в «спектакль». На взгляды ситуационистов можно было бы не обращать внимания, но если сам по себе «Ситуационистский интернационал» остался группой маргиналов, то настроения довольно большого количества протестантов его основатели выразили весьма точно.

Представления о тотальности «спектакля» сыграли с интеллектуалами 1968 г. злую шутку, парадоксальным на первый взгляд – а на деле вполне логичным – образом облегчив им встраиваемость в Систему. Правда, Дебор в конце жизни вполне справедливо констатировал, что «общество спектакля превратило восстание против себя в спектакль». Но вся проблема именно в том, что сам этот протест в значительной степени оказался просто спектаклем с самого начала. На самом деле во многих революционных актах содержался элемент спектакля или даже карнавала – достаточно заглянуть в воспоминания о событиях в 1905 г. или 1917 г. в России. Но спектакль в настоящих революциях был лишь элементом глубинных процессов, а ни в коем случае не самодостаточным явлением. Спектаклем, очевидно, никакую систему сломать невозможно.

Борис Кагарлицкий верно констатировал, что постмодернизм в виде «недоверия к большим нарративам» [Lyotard, 1984: XXIV] оказался выгоден тем интеллектуалам, которым надо было примирить карьеру при капитализме с увлечениями молодости. Кроме того, постмодернизм фактически означал категорический, агрессивный отказ от самой идеи преобразования общества – от целостного проекта его преобразования. Что взамен? – Фуко ясно высказался в названии одной из последних книг – «Забота о себе», ставшей обоснованием отказа от политической борьбы, по сути, эскапизма. Бегство в личную жизнь, в том числе – в алкоголизм и наркоманию (судьба Ги Дебора, страдавшего алкоголизмом, тут весьма показательна), либо откровенная циническая позиция интеллектуалов, которые, сознавая порочный, эксплуататорский характер капиталистического общества, готовы мириться с ним при условии личной выгоды, конечно. Эта циническая позиция как главная характеристика современной идеологической ситуации была разобрана в первой работе С. Жижека «Возвышенный объект идеологии»:

«Такой цинизм не есть откровенно аморальная позиция, скорее тут сама мораль поставлена на службу аморализму; типичный образец циничной мудрости – трактовать честность и неподкупность как высшее проявление бесчестности, мораль – как изоциренный разврат, правду – как самую эффективную форму лжи <...>. Циническая реакция состоит в утверждении, что легальное обогащение гораздо эффективнее, чем разбой, да и к тому же охраняется законом».

Этот цинизм – прямое следствие той идеологической деформации, которая была вызвана постмодернистской рефлексией над поражением левых после 1968 г.

В свою очередь, такая позиция интеллектуалов привела к тому, что сама их роль в политике снизилась. Если до конца 1980-х годов интеллектуалы часто выступали как лица политической оппозиции, то затем они уступили место деятелям шоу-бизнеса не в последнюю очередь именно из-за отказа от просветительской позиции (а также, конечно, из-за неолиберальной деполитизации, особенно усилившейся после краха СССР [Hobsbawm, 2017: 241–243]). Феномен «марксизма без пролетариата» – интеллектуалов, терявших связь с непосредственной политической практикой – появился уже в довоенные годы, но именно в канун 1968 г. «утратил “нерв” своей актуальности – конкретный характер революционной альтернативы капитализму» [Дмитриев, 2004: 477], потеряв связь с массовым движением рабочего класса, заменить который бунтующие студенты не смогли. И если в начале 1960-х политическая и просветительская миссия интеллектуала виделась крайне важной, то сейчас он выступает прежде всего просто как часть «среднего класса». В 1961 г. известный экономист-максист Пол Баран писал:

«Чем реакционнее правящие круги, тем вероятнее, что существующий общественный порядок препятствует освобождению, тем сильнее пропитывается его идеология антиинтеллектуальными и иррациональными настроениями, а также предрассудками. И тем сложнее становится для интеллектуала противостоять общественному давлению, идеологии правящего класса и искушению пожить уютной и сытой жизнью конформистов-работников умственного труда. В таких условиях настоять на функциях интеллектуала и акцентировать»

ровать его роль в обществе становится делом исключительной важности. Поскольку именно в этих условиях на его долю выпадает ответственная и одновременно почётная миссия сохранения традиций гуманизма, разума и прогресса, которые являются нашим самым ценным наследием, вынесенным из всей истории человечества в целом».

В эпоху господства постмодернизма и неолиберализма эти слова выглядели вопиющим анахронизмом, однако в последние годы наблюдаются попытки вернуть левым интеллектуалам их статус и ответственность, диктуемую просветительской традицией, причем именно в форме борьбы с последствиями постмодернизма и неолиберализма.

В этой связи следует вспомнить блистательную книгу Ж. Брикмона и А. Сокала «Интеллектуальные уловки», которая для понимания и разоблачения постмодернизма является обязательным чтением. Книга эта была написана по следам знаменитой «мистификации Сокала» 1996 г., когда математик левых взглядов Алан Сокал опубликовал в известном журнале постмодернистской направленности совершенно абсурдный текст, принятый редакцией на ура. Книга демонстрирует полную бессмысленность постмодернистского «дискурса» с помощью научного рассмотрения терминологии, используемой Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ж. Лаканом, Ж. Бодрийяром и их последователями. В постмодернизме авторы видят «vulgate that mixes bizarre confusions with overblown banalities» «смешение странных недоразумений и непомерно раздутых банальностей», подчеркивая, что помимо прочего иррационализм привел левых интеллектуалов к отказу от политической ангажированности или к превращению в «подобострастных защитников» «servile advocates» капитализма [Sokal, Bricmont, 2003: 197–198]. И хотя авторы специально отмечают в начале книги, что их мишенью был лишь «эпистемологический релятивизм, а именно идея, которая, по крайней мере, когда выражена отчетливо, состоит в том, что современная наука есть не более, чем “миф”, “повествование”, или “социальная конструкция”».

Важно отметить, что оба автора считают себя левыми, более того, «старыми левыми». Алан Сокал в послесловии к своей статье-мистификации написал:

«Я признаю, что я – растерявшийся старый левый, который никогда полностью не понимал, как деконструкция должна была помочь рабочему классу. И еще я умудренный опытом ученый, который наивно верит, что существует внешний мир, что существуют объективные истины об этом мире, и что моя работа заключается в том, чтобы открыть некоторые из них».

В 2018 г. мистификация Сокала была повторена. Ряд научных журналов принял к публикации заведомо абсурдные тексты якобы по гендерной теории, сознательно сконструированные Джеймсом Линдси, Хелен Плакроуз и Питером Богоссяном в соответствии с «правильными» идеологическими заповедями – новое доказательство деградации гуманитарных наук [Lindsay, 2018]. И все многочисленные попытки как-то оправдать эту ситуацию представляют собой затушевывание очевидности: научные журналы опубликовали полную чушь только потому, что она укладывалась в систему определенных идеологических ожиданий. Это ровным счетом то же самое, что публикация в советских официозных журналах бессмысленных текстов с набором ссылок на «классиков марксизма» и решения последнего съезда КПСС. Разумеется, фальсификации встречаются и в естественнонаучных журналах. Но псевдонаука (в данном случае вернее – паранаука) получила распространение в гуманитарных исследованиях именно потому, что в результате постмодернистского поворота оказались сознательно дискредитированы принципы демаркации научного и вненаучного знания.

Дискредитация понятия истины и науки как процесса ее постижения – при всех необходимых оговорках об отличиях гуманитарных наук от естественных, «теоретической нагруженности факта», неизбежной ангажированности ученых – приводит к деградации науки, ее отрыву от реальности и распространения откровенного шарлатанства как в масс-медиа и книжных магазинах, так и в рейтинговых научных журналах с высоким индексом цитируемости.

Либо наука ищет истину – и тогда можно вести содержательные дискуссии о самом этом процессе, либо наука вырождается в схоластику и чисто коммерческое предприятие, к приращению человеческого знания и общественной пользе не имеющее никакого отношения. И подобный поворот зачастую ассоциируется именно с «левой» мыслью, которая отстаивает права меньшинств и отрицает постижимость истины с обязательными ссылками на Фуко, Барта, Лиотара, Бодрийяра и других постмодернистов, но при этом продолжает столь же настойчиво ссылаться на Маркса и даже Ленина [Jameson, 2008: 71–72, 203–206]. Такое превращение революционной теории в безобидный текст – оказалось даже лучшим способом борьбы с марксизмом, чем прямой запрет.

Но дело не только в тупиковости и беспомощности постмодернистской гносеологии, хотя отказ от истины как проявления «господства» означал отказ от исследования социальной действительности, а ведь именно научность в противовес утопии со времен Маркса определялась как главное преимущество левых. «Постмодернистские левые» не могут дать ответа на вопрос: как можно надеяться на борьбу с Системой, если заведомо опираться исключительно на представителей меньшинств, как того требовал еще Маркузе в «Одномерном человеке» [Marcuse, 2007: 260–261], а вслед за ним Фуко, Делез и их последователи? Меньшинства, безусловно, должны получить свои права, но это может состояться и состоялось в рамках капиталистической системы. Ничего специфично революционного тут нет. Такая же ситуация была и с еще одной группой, которую нельзя назвать меньшинством – с женщинами. Феминизм на Западе в целом одержал победу – пусть с серьезными оговорками (например, женское тело в массовой культуре остается прежде всего сексуальным объектом) – без демонтажа капиталистической системы. Капитализм перестроился, местами болезненно, но перестроился. Но только в странах капиталистического центра, для большинства жителей стран «золотого миллиарда», а в остальном мире – при наличии переходных форм – господствует самая зверская эксплуатация, в том числе и женского труда. В самих странах Европы сверхэксплуатации подвергаются трудовые мигранты. Но парадоксальным образом именно такой целостный взгляд на капитализм оказывается для многих левых невозможен.

Характерна в этой связи краткая история антиглобалистского движения. В момент своего расцвета оно пользовалось поддержкой десятков миллионов человек. Борьба против транснациональных корпораций и защищающих их интересы правительств смогла объединить весьма разнородные политические силы. Но отказ от постановки конкретных политических целей, от борьбы за власть, продиктованный как раз «традициями» и идеалами революции 1968 года, быстро вызвал стагнацию движения. Более того, вскоре выяснилось, что интересы антиглобалистских групп из стран «золотого миллиарда» и стран бывшего «восточного блока», Африки, Латинской Америки – различаются [Tarasov, 2008a]. А в этом различии сказались как раз новые классовые различия, не проанализированные и проигнорированные большинством антиглобалистских лидеров и участников движения. Примечателен факт, что в его рамках было создано немало ярких работ, посвященных анализу и критике неолиберализма. Однако теоретических исследований, выходящих за эти рамки, ни в области политики, ни в области экономики практически не появилось. Из анализа неолиберализма выводов сделано не было – если не считать общегуманистический вывод о необходимости устранения этой угрожающей самой жизни на планете системы. Конечно, в этот период создавались работы в рамках мир-системного анализа и концепции «периферийного капитализма», но эти теории возникли задолго до самого антиглобализма. В результате отсутствия политической программы, непонимания организационных перспектив, расколов и дразг антиглобалистское движение к концу первого десятилетия XXI века бесславно сошло на нет. И причина этому (помимо прочих факторов) – некритическое принятие худшей части «наследия 1968 года» – отказа от «иерархии» в организационной работе и от борьбы за власть. Неслучайно в Европе и США настолько силен рост правых популистских движений (например, «Альтернатива для Германии», «Наци-

ональный фронт» во Франции и т. п.) – они занимают нишу, добровольно оставленную левыми [Kagarlitsky, 2017: 73]. Это становится заметно не только при анализе электоральных успехов, но и при исследовании концепций, которыми руководствуются как левые политики (пусть и не напрямую), так и многие левые теоретики.

Случай Валлерстайна

Ярчайшим примером мифологизации 1968 г. являются взгляды одного из самых известных левых мыслителей современности – американского социолога Иммануила Валлерстайна. Его мир-системный анализ, основанный на синтезе элементов марксизма, теорий зависимого капитализма и периферийного капитализма, а также взглядов Ф. Броделя в последние два десятилетия оказался для многих левых теоретиков тем же, чем ортодоксальный марксизм был в первой половине XX века. Анализ его концепции интересен именно в связи с тем, как некритическая идеализация наследия 1968 г. приводит к массе противоречий в самой теории и ее идеологизации, которая, в свою очередь, ставит под вопрос достоверность концепции как таковой.

Для Валлерстайна революция 1968 г. оказывается второй по-настоящему мировой революцией после европейских революций 1848-49 гг. Как известно, обе эти революции потерпели поражение, более того, обе они оказали куда меньшее влияние на страны за пределами Европы, чем французская революция конца XVIII в. и русская революция 1917 г., действительно повлиявшие на массу стран на разных континентах.

С точки зрения Валлерстайна главной ошибкой почти всех противников капитализма до середины XX века, всех, как он их называет, антисистемных движений, было стратегическое стремление к политической власти. Добившись власти, они сталкивались с ограниченностью возможностей государства в мир-системе. Выходило, что захват власти (революция) представлял собой не более чем реформу системы: «Восстание как технический прием срабатывало лишь на окраинах центральной власти, особенно тогда, когда бюрократия центра вступала в фазу распада».

Валлерстайн здесь игнорирует как опыт буржуазных революций – для него они представляют собой лишь вариации «межбуржуазной борьбы», – так и опыт рабочих движений (в том числе восстаний) в Европе и США XIX в. По Валлерстайну, капиталисты сами предложили [Wallerstein, 1996: 171] уступки рабочим в целях сохранения стабильности системы: последняя в его изображении оказывается просто-таки саморегулирующейся субстанцией. Тот факт, что эти уступки были вырваны в результате тяжелейшей борьбы, он отмечает. Согласно Валлерстайну, при капитализме «мотивации к бунту усиливались, несмотря на то, что вероятность успеха, возможно, объективно уменьшилась». Победивших восстаний низов в докапиталистическую эпоху, которые бы настолько сильно изменили лицо мир-системы, как революционные движения XIX – XX веков, историки просто не знают. Но Валлерстайн тут не просто совершает грубую историческую ошибку (точнее сказать – передергивание), он просто ретроспективно экстраполирует опыт поражения 1968 года на остальные революционные движения прошлого и будущего, закономерно приходя к пессимизму относительно их возможностей.

Положительный опыт он признает только за теми антисистемными движениями, которые не пришли к власти и воздействовали на подрыв политической стабильности исторического капитализма вопреки тем, кто «укреплял систему», захватывая власть [Wallerstein, 1996: 70]. Таким образом, получается, что и революция в октябре 1917 г. и, например, война во Вьетнаме, по-Валлерстайну, – не подрывали стабильность капиталистической системы? Но как фактически можно доказать стремление к накоплению капитала в России после той же Октябрьской революции? Игнорируя проблему способа производства и классовых отношений внутри страны, Валлерстайн приходит к таким обобщениям, которые, по сути, обесценивают весь анализ. Конечно, «социалистический лагерь» не имел к социализму «по Марксу», к которому не должно было быть ни классов, ни эксплуатации, ни в конечном итоге государства, никакого отношения. Но капитализмом он от этого не становится! Но Валлерстайну важно показать, что антисистемные (революционные) движения включились в логику капитала и не смогли выйти

за пределы мир-системы, поэтому он просто вопреки огромному количеству фактов объявляет страны советского блока капиталистическими, так как они были включены в капиталистическую мир-систему, то есть – просто сохраняли экономические отношения с остальным миром. И с теоретической, и с фактической точек зрения такая позиция не выдерживает критики.

Подобная историческая несурезица выходит потому, что Валлерстайн не учитывает, как на самом деле выведенные за пределы капитализма (пусть и не в социализм) страны заставляли его (капитализм) меняться, становиться более социальным, создавать welfare state, словом, самореформироваться [Hobsbawm, 1995: 84]. И как эта добродушная маска слетела с капитализма, когда после падения советской системы восторжествовал неолиберализм.

По Валлерстайну, антисистемные движения, ошибались не только в том, что стремились к власти. Они ошибались еще и в том, что опирались на господствующую идеологию накопления капитала. Эта идеология, с точки зрения Валлерстайна – универсализм: «главная опора идеологического небосвода исторического капитализма». Под универсализмом Валлерстайн понимает три разные вещи, которые у него сливаются воедино. Во-первых, это идеология модернизации, связываемая с идеей прогресса (добавим – линейного прогресса), которая подчинила и антисистемные движения, обрядив их в идеологическое одеяние Просвещения. Во-вторых, идея универсальной культуры, по сути – культурный империализм, особенно вдохновляющий «обслуживающий аппарат» накопителей капитала – средние слои, «меритократию», которая, согласно Валлерстайну, и составляет 15–20 % получивших выгоду от капиталистической экспансии – наряду с предпринимателями. И, наконец, в-третьих, «комплекс представлений о том, что можно познать и как это познать.<...> Существуют значимые общие утверждения о мире – физическом, социальном, – которые универсально и постоянно верны и цель науки – поиск этих общих утверждений». Таким образом, универсализм «требует <...> почтения к неуловимому, но якобы реальному феномену истины». Поиск истины – не «бескорыстная добродетель», а «корыстная рационализация», он «как минимум созвучен сохранению иерархически неравной социальной структуры в ряде специфических отношений» [Wallerstein, 1996: 81–82].

Приведенная цитата, как и сравнение поиска истины с наркотиком, не просто может обесценить все доказываемое самим автором (и понятно, что последовательно провести ее Валлерстайну не удастся – иначе какой смысл в его собственных исследованиях мир-системы?). Признание всевластия идеологии, пронизанность идеологией всех сфер жизни, включая язык (что декларирует постструктурализм) и науку – это печать поражения 1968 года, которая привела к кризису не капитализм, а, напротив, левую мысль, обезоружив ее и заведя в постмодернистский тупик. Здесь достаточно только констатировать, что

В качестве одного из доказательств существования этой универсалистской идеологии, внутри которой теряются все различия между консерватизмом, либерализмом и левым радикализмом, Валлерстайн приводит следующее: если две практики – расизм-сексизм и универсализм – набирали силу одновременно, то они должны быть сущностно связаны. Единовременность – слабое основание для утверждения однопорядковости явлений. Использование аналогий в роли доказательств – это тоже частый прием в работах Валлерстайна, не говоря уже о том, что здесь он опять исторически некорректен: расизм как идеология появился только в конце XVIII века как ответ на аболиционизм, а женщины в патриархальных семьях эксплуатировались с момента возникновения классового общества.

Единственный выход из тупика универсализма, который предлагает Валлерстайн вслед за постмодернистами, – подключение к антисистемным движениям маргиналов и групп меньшинств [Wallerstein, 1996: 90]. Но как это может привести к победе над всеобъемлющей системой накопления – неясно. Остается только уповать, что эта система сама подрывает на наших глазах свои основы и процесс «товаризации всего» близится к своему завершению, а значит – и капиталистическая мир-система скоро исчерпает самое себя. Если в соответствии и с орто-

доксальным марксизмом, и неомарксизмом XX века капитализм в процессе своего развития был вынужден создавать противоречия во всех областях жизни, то Валлерстайн усматривает, по сути, только одно, чисто экономическое противоречие: логика накопления капитала истощает те зоны, которые выступали в роли периферии и тем самым готовит себе кризис.

Валлерстайн уравнивает этнические и гендерные противоречия с классовыми, тогда как его собственный анализ явно показывает, что и сексизм, и расизм – являются следствием (и сущностно, и хронологически) классовых отношений при капитализме. И здесь мы сталкиваемся с частью идейного наследия 1968 года, к которому сам соотносит себя Валлерстайн. В данном случае он повторяет выводы, высказанные в известной работе Ш. Муфф и Э. Лаклау о равенстве различных социальных оппозиций при капитализме: гендерной, классовой, этнической и т. д. [Laclau, Mouffe, 1985]. Главное, что Валлерстайн и его сторонники в этом вопросе не хотят замечать: капитализм сумел дать права меньшинствам после 1968 года и устоять, борьба меньшинств не сказалась на его жизнеспособности. Сейчас можно с уверенностью констатировать факт: та часть левых, которая взяла на вооружение из наследия прежде всего «политику меньшинств», которая в области теории оказалась теснейшим образом связана с постмодернизмом, сейчас зашла в тупик и довольно быстро уступает свои позиции как неолибералам, просто взявшим эту же повестку себе, так и правым. И теоретические, и политические провалы (целый ряд его неудачных прогнозов тому яркое доказательство) теории Валлерстайна показывают, что «антиуниверсалистское» наследие 1968 г. хорошо звучит в академических аудиториях, но не работает ни как инструмент исследования общества, ни в качестве политической программы.

Европейские городские герильи – навстречу «третьему миру»

Как известно, многие участники событий 1968 года благополучно выросли в капиталистическую систему – их радикализм на самом деле оказался и возрастным, и временным. Часть полностью изменила своим взглядам молодости и резко поправила – вплоть до неолиберализма (самые известные примеры: А. Глюксман, Б. Анри-Леви, Й. Фишер, Д. Кон-Бендит, М. Рокар и др.). Часть примкнула к существовавшим левым политическим силам (в основном поначалу – к компартиям), часть сохранилась в сравнительно немногочисленных радикальных политических группах (например, троцкистских), также претендовавших на участие в традиционной политике. Но помимо «политики меньшинств» и разных форм встраивания в парламентскую систему с потерей собственного политического лица, был другой вектор развития левой идеологии и практики после 1968 года. Он привлёк меньшее количество людей, но пользовался куда большим влиянием, чем это многим кажется сейчас. Речь идет о возникновении леворадикальных боевых групп, взявших на вооружение партизанскую тактику городской герильи. Сторонники и участники этих групп попытались перенести неокOLONIALНЫЕ войны из «третьего мира» в первый, руководствуясь тезисом Че Гевары: «Создать два, три... много Вьетнамов». Один из лидеров французской группы «Аксон директ» («Прямое действие») писал уже в 2000-е гг., отбыв 25-летний срок заключения:

«Занимая подобную антиавторитарную позицию, мы порвали с теми, кого тогда называли «старыми левыми» (парламентариями и ревизионистами) и «новыми левыми» (интегрированными в систему, разбитыми на группки, законопослушными и пацифистски настроенными). Мы решительно покончили с буржуазными формами политической деятельности» [Rouillan, 2013].

Они пытались вернуть войну туда, откуда ее, по их мнению, вывели в «третий мир» – в города метрополий. И для этого развернули в городах Германии, Италии, Франции, Бельгии и других стран боевые действия. Но к такому решению эти люди пришли далеко не сразу.

Огромное влияние на европейских радикалов оказали три события в «третьем мире»: революция на Кубе, произошедшая без вмешательства СССР, и общий подъем латиноамериканского революционного движения, война во Вьетнаме и «культурная революция» в Китае, воспринятая как решительное разрушение молодёжью государственного бюрократического аппарата. Эти события послужили не только катализатором, но руководством к действию. Отсюда и популярность Мао, Че Гевары и Фиделя Кастро среди бунтарей 1960-х гг., и попытка взять из «третьего мира» организационные формы борьбы: от ассамблей до городской герильи. Левые ультрарадикальные группы использовали как руководство к действию теорию герильи бразильского коммуниста Карлоса Маригеллы [Marighella, 2002] и работы Мао по тактике партизанской войны.

Радикализация студентов в конце 1960-х гг. была для властей и традиционных партий тем более неожиданной, что происходила на фоне очевидного экономического роста – спад начнется уже в 1970-е. Жесткие меры подавления: исключения из университетов, дисциплинарные запреты, разгоны собраний и митингов полицией, сопровождавшиеся арестами, чем дальше, тем больше убеждали часть молодых радикалов (в том числе студентов) в справедливости леворадикальных идей о необходимости уничтожения всей капиталистической системы. А власти воспринимали все, даже относительно мирные инициативы пацифистов, противников атомного вооружения, экологов и борцов за права меньшинств как «коммунистическую» угрозу – и поступали с ней соответствующе жестоко, отталкивая молодежь все дальше в радикализм.

Этот процесс выдавливания внепарламентской молодежной оппозиции с политического поля происходил почти во всех западных странах: Франции, Италии, Испании, Португалии и США. Но наиболее показательным он был в Германии.

Западная Германия 1960-х гг. – не благополучное демократическое «социальное» государство. ФРГ в то время – страна, в которой нацизм и нацисты еще не ушли в прошлое, оппозиция фактически отсутствует, а вся власть поделена внутри «олигархии партий». Под давлением сторонников ХДС (Аденауэр прямо заявлял, что социал-демократы представляют опасность для государства), отступая перед травлей желтой прессы концерна Шпрингера, СДПГ все больше превращалась в формальную «оппозицию ее величества». Всего три партии – две основных и небольшая Свободная демократическая – разыгрывали каждый раз между собой парламентские выборы, при том, что большая часть прессы находилась в руках «черных» – ХДС/ХСС. Выдвижение кандидатов проходило под полным контролем партийной верхушки, несогласие с которой приводило к исключению «бунтарей». В политике активную роль играли бывшие высокопоставленные нацисты: советником канцлера Аденауэра был Ханс Глобке – один из разработчиков «расовых законов», канцлер времен «большой коалиции» Курт Кизингер при Гитлере работал в ведомстве радиопропаганды министерства иностранных дел, видные нацисты занимали посты в системе юстиции, армии, промышленности. На свет появилась Внепарламентская оппозиция (ВПО), которая выступала против попыток введения чрезвычайного законодательства в Германии, фактически отменяющего демократические права, против участия бундесвера во Вьетнамской войне, против американских баз на германской территории, против участия (нео)фашистов в политике – и за соблюдение Конституции ФРГ. Кстати, в 1968–1969 г. именно Внепарламентская оппозиция вместе с немецкой интеллигенцией организацией массовых протестов сорвала попытку неофашистов из Национал-демократической партии стать парламентской силой и присоединиться в качестве правого крыла к ХДС/ХСС. А впоследствии именно деятельность германской протестной молодежи и интеллигенции заставила отказаться от попыток реабилитации нацизма и побудила германское общество мучительно размышлять о проблеме виновности немцев за преступления «третьего рейха» [Kyönig, 2012: 29].

Ядром Внепарламентской оппозиции был Социалистический союз немецких студентов (СДС) и его печатный орган – журнал «Конкрет». Однако, несмотря на активность своих действий, молодежь из ВПО не воспринималась всерьез ни властями, ни «официальной» оппозицией в лице СДПГ, более того, радикализирующийся СДС уже в 1960 г. был выведен из СДПГ (а «Конкрет» лишился поддержки партии еще годом раньше!) – социалисты попросту испугались слишком решительных молодых союзников. Точно также от них дистанцировалась компартия – к СССР молодежь относилась критически, контролировать СДС из Москвы не могли и, соответственно, воспринимали его скорее как угрозу. Газеты концерна Шпрингера, поддерживающие ХДС, травили ВПО в лучших традициях нацистской пропаганды, и закончилось это тем, что в 1968 г. вдохновленный этой пропагандой неофашист тяжело ранил лидера СДС и ВПО Руди Дучке. Полиция боролась с акциями левых гораздо жестче, чем с неофашистскими (в 1967 году при разгоне демонстрации был убит полицией выстрелом в спину случайно оказавшийся на ней студент-католик Бенно Оннезорг) [Tarasov, 2003].

Эти выстрелы были восприняты радикальной молодежью не как случайность, а как закономерное продолжение полицейского произвола и клеветы. В ответ на выступления студентов и Внепарламентской оппозиции против войны во Вьетнаме, против нацистов в руководстве государства, против чрезвычайных законов, против ядерного вооружения – полицейское насилие все возрастало, пресса концерна Шпрингера развязывала самую настоящую травлю против антифашистов. В демократической с виду – но не по содержанию – Западной Германии Внепарламентской оппозиции не нашлось места, политическое поле было уже поделено, а большинство населения не боялось «потерять политическую свободу, но зато опасалось снижения

жизненного уровня и потери работы» [Jaspers, 1969: 186]. Радикальная молодежь, стремящаяся к демократии, в конце 60-х увидела, что несмотря на наличие формальных институтов демократии, эти институты не работают.

В итоге, многие молодые защитники германской Конституции пришли к выводу, что она представляет собой фикцию, что фашизм уже почти вновь пришел к власти в Германии – и необходимо «выманить фашизм наружу», заставить фашистское государство проявить свою сущность – с помощью вооруженной борьбы. Вскоре на свет появилась леворадикальная террористическая организация Фракция Красной Армии (Rote Armee Fraktion – РАФ).

Карл Ясперс – гуманист, представитель религиозной версии экзистенциализма написал в 1965 г. книгу с жесткой критикой аденауэровской Германии, а на следующий год в ответе своим противникам еще более ужесточил позицию. Статьи одного из лидеров РАФ, ведущей журналистки «Конкрета» Ульрики Майнхоф из изданного в России сборника «От протеста к сопротивлению» [Meinhof, 2004] во многом буквально повторяют тезисы книги Ясперса «Куда движется Федеративная республика?» [Jaspers, 1969]. В 1966 г. позиция пожилого консервативного философа Ясперса отличается от взглядов молодой журналистки Майнхоф, во-первых, большей систематичностью, а во-вторых, как ни странно, большей радикальностью. Характеризуя ситуацию в ФРГ, он пишет:

«Если ликвидируется республиканский путь самоубеждения и развития событий в результате бесед и споров между силами, борющимися легальными методами, если политика в полном смысле слова прекращается, то остается самоотречение или гражданская война. <... > Народ, который в таком случае не предпочтет гражданскую войну отсутствию свободы, не является свободным народом» [Jaspers, 1969: 43].

Генрих Бёлль, известнейший немецкий писатель, вступавшийся за преследуемых в СССР диссидентов, пропагандировавший европейской аудитории тексты Копелева и Солженицына, в разгар деятельности РАФ – в 1977 г. – заявляет о необходимости включения в школьную программу пьесы Майнхоф «Бамбула», которая была завершена незадолго до перехода ее автора на нелегальное положение, а также об обязательности изучения всего ее печатного наследия дорафовского периода [Бёлль, 1996: 561]. Очевидно, Бёлля – а также Гюнтера Грасса, Зигфрида Ленца и многих других немецких писателей, защищавших права арестованных рафовцев – трудно обвинить в кровожадности или безнравственности. Германская интеллигенция понимала, что, во-первых, леворадикальный терроризм – это прямое следствие выбрасывания за пределы политической системы радикальной оппозиции, отказ считаться с ней в легальном политическом пространстве, а во-вторых, борьба с ним ведется совершенно неправовыми и антидемократическими методами, заставляющими вспомнить о фашистских режимах.

РАФ – только самая известная из леворадикальных террористических организаций. В одной Германии также еще существовали «Движение 2 июня», «Тупамарос Западного Берлина», «Революционные ячейки» и т. д. Вслед за РАФ по степени известности идут итальянские «Красные бригады». Во Франции в конце 70-х – первой половине 80-х действовала организация «Аксон Директ», а в Бельгии – «Сражающиеся коммунистические ячейки», леворадикальная вооруженная группа была даже в мирной Дании. И несмотря на все различия в идеологии и практике сам факт появления этих организаций был симптоматичен. Деятельность их остановилась только во второй половине 80-х, но последнее поколение РАФ прекратило вооруженную борьбу только в 1994 г.

Вслед за внесистемной молодежью и в Германии, и во Франции, и в Италии, и в США поднимается рабочее движение. Легальные профсоюзы и рабочее движение в целом, присоединившись к студенческому движению, поняли, что могут требовать гораздо больше, чем раньше. И власти пошли на уступки профсоюзам: повышалась заработная плата, улучшались условия труда, но как только уступки были сделаны, рабочее движение оставило радикалов без поддержки. Тем не менее, под воздействием студенческого движения часть рабочих также

оказалась во внесистемной оппозиции. Во Франции в мае 1968 г. возникли «комитеты самоуправления» и «комитеты действия», ставшие вместе со студенческими ассамблеями центрами сопротивления. В отличие от официальных профсоюзов эти органы были органами прямой, а не представительной демократии. Но после спада забастовочной волны они легко были ликвидированы полицией.

В Италии с ее синдикалистскими традициями внесистемная оппозиция оказалась гораздо в большей степени связана с рабочим движением. Вслед за студенческими выступлениями именно в Италии произошли самые мощные рабочие выступления. «Жаркая осень» 1969 г. напоминала знаменитое «красное двухлетие» 1918–1920 г., когда Италия стояла на грани революции. На заводах возникали фабрично-заводские советы (ФЗС) – органы рабочего самоуправления, основу которых составляли ассамблеи – собрания рабочих одного предприятия или цеха. Ассамблеи выбирали делегатов, которым принадлежало право вето по любым вопросам, затрагивающим деятельность рабочих. Ассамблеи через делегатов должны были контролировать деятельность хозяев предприятия и дирекции. Разумеется, итальянские предприниматели и власти боролись с системой советов, но ни аресты, ни уголовные дела (в 1970 г. – более 10 тыс. дел против рабочих делегатов) не дали эффекта.

В Италии сказалась еще одна особенность: Итальянская коммунистическая партия была самой самостоятельной по отношению к Москве из западных компартий, опиралась на мощную теоретическую традицию (прежде всего работы Антонио Грамши) и готова была вступать в контакты с внесистемной оппозицией. В результате забастовочной деятельности в 1970 г. был принят закон о рабочем контроле, а в 1972–1973 гг. коллективные договоры рабочих с предпринимателями фактически закрепили права ФЗС. Но затем чем дальше, тем больше ФЗС встраивались в систему в качестве низовых организаций профсоюзов, что, с одной стороны, обеспечило итальянским рабочим резкое улучшение условий труда, а с другой – заставило перейти от захватов предприятий к традиционным формам борьбы [Drabkin, 1994: 83–93].

Особенности рабочего движения в Италии диктовали и особенности террористической организации «Красных бригад». «Красные бригады» первые годы деятельности осуществляли террор против начальников заводской администрации, управляющих, руководителей предприятий – тех, кто агрессивно мешал развитию ассамблей и рабочего контроля (одна из первых акций «Красных бригад» – взрыв на заводе «Пирелли» в 1970 г.). Этим же объясняется факт массовой поддержки «Красных бригад» – по оценкам в их деятельности принимало участие более 25 тыс. человек (для сравнения – в случае РАФ счет идет на десятки участников и сотни вовлеченных).

Во Франции в период возникновения «Аксъон директ» (АД) предпринимались жесткие антииммигрантские меры, призванные отнюдь не прекратить миграцию, а лишь держать мигрантов в неполноправном положении как дешевую рабочую силу. Франция ведет активную и агрессивную неокOLONиальную политику, особенно в Африке (вторжение в Чад в 1983 г. – отнюдь не единственный пример) и, наконец, поддерживает остальные страны НАТО и США в холодной войне. Многие создатели АД в 1970-е годы активно участвовали в борьбе с режимом Франко в Испании, который, в отличие от часто повторяемых штампов, в конце своего существования отличался по-прежнему крайней жестокостью к оппозиции [Pozharskaya, 2010: 336, 342]. Один из ближайших друзей лидера АД Жан-Марка Руйяна Сальвадор Пуч Антик был арестован и жестоко казнен в испанской тюрьме (его судьбе посвящен известный фильм М. Уэрри «Сальвадор»). Именно опыт подпольной вооруженной борьбы с фашизмом подготовил участников АД к борьбе с французским правительством, в деятельности которого они также увидели скрытый фашизм по отношению к колониям, мигрантам и рабочим. Самая известная жертва «Аксъон Директ» – это Жорж Бесс, генеральный директор «Рено», инициатор массовых увольнений (более 21000 уволенных, сокращений зарплат и репрессии против рабочих). Всего с 1979 по 1987 год было проведено более 100 различных операций, численность орга-

низации составляла несколько сот человек. Среди акций АД – саботаж на производстве военной продукции, экспортируемой для колониальных войн против населения стран «третьего мира» [Tkachev, 2013].

Ультралинкам не удалось создать единого антиимпериалистического фронта. Поднять массовое движение рабочих и мигрантов в Европе против неолиберальных реформ тоже не получилось. Руйян писал:

«С выдвинутым нами лозунгом “вернем войну сюда!” пролетарии “третьего мира” должны были убедиться в том, что в метрополиях существуют не только откормленные “левые» и бесчувственные, беспомощные перед лицом массовой бойни люди, поставки тонн оружия и поддержка разрушительных войн. <...> Вот это и есть самое существенное, и именно это нужно показать миру» [Tkachev, 2013].

В этом смысле деятельность леворадикальных групп, занимавшихся «городской герильей» отчасти можно считать успешной. Но они не сумели и не могли получить массовой базы. Одной из причин стала начавшаяся в 1970-е гг. деиндустриализация Запада – перевод промышленного производства в «третий мир», который некоторые модные и малограмотные политики приняли за появление «постиндустриального общества». Численность рабочего класса в Европе стала резко сокращаться, но зато расти в «третьем мире». И часть европейских ультралинкав это заметили, проанализировали, и выбрали своей главной целью именно поддержку революционного движения в «третьем мире». Европейский рабочий класс был признан ими не просто обуржуазившимся, но и получающим определенные выгоды от эксплуатации стран периферии. Датская группа «Блекингегаде» («банда с улицы Блекингегаде», как ее называла пресса) организовала целый ряд ограблений с целью помощи медикаментами и одеждой национально-освободительным движениям в Африке и Азии – в Зимбабве, Мозамбике, Палестине [Дергунов, 2019: С. 242–245; Kuhn, 2014: 21–91]. Также ее участники занимались тщательным анализом изменений в современной капиталистической системе. Они считали что «по существу единственным способом участия в борьбе за социализм для жителей империалистических стран является материальная поддержка национально-освободительных движений в “третьем мире” [Дергунов, 2019. С. 245]. Лидеры группы уже в 90-е годы, находясь в заключении, заявляли:

«Я против того, чтобы нас изображали “революционными романтиками”. Настоящими романтиками были те, кто ожидал восстания рабочих масс в империалистических странах». И хотя в работе Лауэсена сохраняется своеобразное влияние евромаоизма, в целом его анализ причин консервативности европейского рабочего класса и современных экономических процессов следует признать совершенно справедливым.

Левый ультралинкализм 1970-1980-х годов стал следствием слабости массового левого движения, осознанием деградации просоветских массовых компартий, борьбой против инкорпорирования в капиталистическую систему ценой отказа не только от коммунистической идеологии, но и от самой этики протестного движения. Участники европейской городской герильи осознавали себя перед выбором: встраиваться в капиталистическую систему, уходить в сектантские микроорганизации – либо все-таки бороться. Их вдохновлял уже не столько исторические примеры борьбы в Европе, сколько борьба в «третьем мире», которую они и попытались перенести в «первый», в Европу и США.».

Политический террор, если он не является частью мощного политического движения, неизбежно заставляет участников групп самоизолироваться, догматизироваться, изначальная цель постепенно начинает утрачиваться. Наиболее храбрые, преданные, самоотверженные участники террористических групп гибнут в первую очередь. Этот фактор осознавали еще народовольцы, это стало одной из причин поражения партии эсеров после Февральской революции – лидеров уровня тех, кто погиб в терроре, им просто не хватило для консолидации

партии и удержания власти в 1917 г. В этом смысле традиционная социал-демократическая критика индивидуального террора оказалась в основном справедливой и для 70-х – 80-х годов. Но участники европейской городской герильи не могли смириться ни с отчуждением при капитализме, ни с чудовищной эксплуатацией стран периферии, ни с поражением левых – и потому выбирали борьбу.

* * *

Известный российский левый политолог Александр Тарасов перед предыдущим юбилеем «красного мая» 1968 г. писал:

«Основное содержание нового мифа уже понятно: 68-й – это, дескать, “победившая революция”, “изменившая лицо капитализма”, сделавшая его предельно свободным, предельно демократическим, предельно толерантным, обращенным лицом к нуждам всего населения, включая молодежь, женщин, меньшинства» [Tarasov, 2008].

Этот миф призван как-то завуалировать факт: движение 1968 г. в целом потерпело неудачу. Революция не произошла, Система победила, капитализм изменился, но это эти изменения оказались косметическими. Политическое поражение привело не только к политической стагнации и деградации большей части левых движений. В области теории поражение оказалось еще более ощутимым. Мыслители-структуралисты, угнетенные поражением революции, увидели причину этого поражения, источник победы власти в самом языке — и капитулировали политически и теоретически. Этот вывод, ставший пессимистическим итогом «революции-1968», буквально парализовал социальную философию вплоть до конца XX века и в значительной степени подорвал организационные и мобилизационные возможности левого движения.

Венгерский историк Тамаш Краус писал:

«Неолиберальный поворот был украшен такими перьями из наследия 1968 года, как антирасизм, мультикультурализм, защита прав меньшинств, защита прав человека, хотя при этом у общества были отняты возможности самообороны, 68-й год и кейнсианские идеи были преданы забвению, и логика капитала вызвала к жизни антисоциальную систему свободного рынка, которая превознесла до небес социальное неравенство. <...> Таким образом, в действительности капитал и его институты извлекли прибыль из антигосударственных устремлений 1968 года, <...> цель заключалась в том, чтобы урезать или полностью ликвидировать не само государство, а только его общественные функции, его учреждения и меры в сфере социального благоденствия» [Krausz, 2009].

Левое движение уступило и политическую инициативу, и интеллектуальную гегемонию – и это при том, что в академических кругах левых оказалось едва ли не большинство.

Торжество идеологов и практиков неолиберализма, ставшее очевидным после краха СССР, казалось, похоронило перспективы левого движения и, тем более, внесистемного движения. Даже теоретического аппарата, чтобы полноценно осмыслить падение СССР, у большинства европейских левых не оказалось. Фрэнсис Фукуяма в 1989 году (как Дж. Белл тридцатью годами раньше) объявил о «конце истории» и победе либеральной системы. Вроде бы внесистемные элементы оказались поглощены и переварены Системой, но 1 января 1994 г., когда вступил в силу Договор о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) на юге Мексики, в штате Чьяпас, началось вооруженное восстание, поднятое Сапатистской армией национального освобождения (САНО). Летом 1996 года в Чьяпасе состоялась первая всемирная встреча против «глобализации», положившая начало «антиглобалистскому движению» [Subcomandante Marcos, 2002: 8-11, 125–130]. Дальнейшее известно: появление социальных форумов, развитие антиглобалистского движения среди молодежи из «среднего класса» в развитых странах, сражения антиглобалистов с полицией в Сиэтле, Генуе, Праге, Гетеборге,

появление социальных форумов. Но, как было сказано выше, поскольку это движение так и не поставило вопроса о власти и об изменении системы собственности, его ожидал бесславный закат. Неолиберальная идеология и практика вновь победила, а альтернативой ей, в условиях слабости левых, все чаще оказывается разные варианты правого национализма, что вновь подтвердили результаты выборов в Европарламент в мае 2019 г. И если правые усилились на этих выборах меньше, чем ожидалось многими аналитиками, то левые, особенно центристские левые, в очередной раз потеряли голоса, а вся политическая картина показывает стагнацию и отсутствие реальных альтернатив неолиберальной практике при очевидной идеологической размытости большей части политических сил [Smith, 2019].

Попытки сохранить радикальную направленность теории (понимая радикализм в соответствии с известной фразой Маркса — «Быть радикальным — значит понять вещь в её корне») предприняли, с одной стороны, ряд «старых левых», продолжателей традиций традиционного марксизма первой половины XX века — например, экономисты, группировавшиеся вокруг журнала “Monthly Review”, Пол Баран и Пол Суизи, и их последователи, которые тщательнейшим образом рассмотрели процессы накопления капитала в современном глобализованном капитализме, венгерский марксист, ученик Дердя Лукача Иштван Мессарош, теоретики «периферийного капитализма» С. Амин, Т. Дус Сантус, Дж. Арриги и др. И, как ни странно, их выводы о функционировании современного монополистического капитализма во многом совпали с выводами, которые в процессе своей ультрарадикальной политической деятельности и в последующем ее анализе в тюрьмах сделали участники РАФ [Oni хотyat nas slomit', 2003], «Аксон директ», датской «Блекингегаде». И те, и другие двигались к новым подходам в области классовой теории, анализируя мировое разделение труда и формирование нового класса трудящихся на «глобальном Юге». Ни те, ни другие не получили массовой поддержки среди левых, и пока все еще остаются маргиналами и в политическом движении, и в научно-теоретических дискуссиях. Но с учетом того теоретического тупика, в котором находятся и традиционные социал-демократические партии, и более радикальные левые, и в связи с тем, что идеология свободного рынка продолжает дискредитировать себя все больше и больше, а ее критика становится общим местом, можно с определенной долей уверенности прогнозировать, что эта традиция будет востребована в самое ближайшее время. Хотя в Европе, пожалуй, в последнюю очередь.

В «третьем мире» события 1968 года не были ни началом, ни концом революционного подъема, который начался с 1950-х годов и вписывается в промежуток между Кубинской (1959) и Никарагуанской (1979) революциями. Там были другие этапы борьбы, другие герои и лидеры, которые подчас больше влияли на европейских левых, чем наоборот. Там, в «третьем мире», действовали массовые движения, массовая борьба против местных диктатур и западного неокOLONIALИЗМА, в которой погибли десятки тысяч. И один из уроков наследия 1968 года, усвоенный упомянутыми выше мыслителями и революционерами, заключается в том, что Запад окончательно перестал быть источником и центром антикапиталистической борьбы. Уже цитировавшийся Торкил Лауэсен, отмечает, что трудящиеся глобального Севера (Европа и США) могут принять участие в этой борьбе, но гегемония будет принадлежать тем 1,5 миллиардам пролетариев (80 % рабочего класса мира), что сконцентрированы на глобальном Юге, прежде всего в Китае и Индии [Lauesen, 2018]. С этим прогнозом сейчас трудно спорить, хотя упорные попытки не замечать «третий мир» среди левых авторов продолжают и поныне [Kagarlitsky, 2017].

Еще задолго до бурных событий XX века Александр Герцен поставил диагноз: «Консерватизм, не имеющий иной цели, кроме сохранения устаревшего status quo, так же разрушителен, как и революция. Он уничтожает старый порядок не жарким огнем гнева, а на медленном огне маразма» [Herzen, 1956: 505]. Известный исследователь американского анархизма и африканских культур Николай Сосновский высказался проще: «Система без антисистемных эле-

ментов впадает в идиотизм» [Sosnovskij, 1996]. Так как большая часть наследия 1968-го года оказалась частью этой системы, нового подъема внесистемной левой оппозиции стоит ожидать хотя бы потому, что основные проблемы, которые пытались решать участники движений 1968 г. и леворадикальных групп 1970-х – 1980-х гг., не исчезли. Несмотря на период слабости и организационной и идеологической деградации, левое движение способно возродиться и вновь выступить против капитализма, стремительно теряющего «человеческое лицо». Эффект косметической (читай: идеологической) операции, которую западный капитализм проделал над собой после 1968 г., заканчивается. Поэтому опыт – в том числе негативный – поколения-1968 не может остаться невостребованным. Какой будет этот новый этап подъема левого движения и какую роль в нем будут играть страны постсоветского пространства, пока предположить крайне трудно, но одно представляется несомненным: главный импульс этого нового подъема будет исходить не из Европы.

Автор благодарен Александру Николаевичу Тарасову и Павлу Ткачеву, в свое время познакомившим его с малоизвестными аспектами истории западного левого радикализма 1960-1980-х годов, а также Мирону Третьякову за советы в процессе подготовки статьи.

Литература

1. Baran P. (1961) The Commitment of the Intellectual [online] Available at: <https://monthlyreview.org/1961/05/01/the-commitment-of-the-intellectual/> [Accessed 15 Jul. 2019]
2. Böll H. (1996) Chto hochet Ul'rika Majnhof – pomilovaniya ili garantij bezopasnosti. In: Böll H. Collected works, T.5. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, pp. 448–457.
3. Debord G. (1990) Comments on the Society of the Spectacle. London, New York: Verso.
4. Dergunov Yu.V. (2018) Prospects for Anti-Capitalism in a Divided World. Book Review: Lauesen T. (2018) The Global Perspective. Reflections on Imperialism and Resistance, Montreal: Kersplebedeb. Sociology of Power, 30 (4): pp. 242–256.
5. Dmitriev A.N. (2004) Marksizm bez proletariata. Georg Lukach i rannyya Frankfurtskaya shkola [Marxism without the proletariat. György Lukács and the early Frankfurt School]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
6. Drabkin Y.S. (ed.) (1994) Social'nye dvizheniya na Zapade v 70-e i 80-e gg. XX veka. Moscow: Institute of World History.
7. Harvey D. (2007) A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press.
8. Herzen A.I. (1956) O razvitii revolyucionnyh idej v Rossii. In: Herzen A.I. Sochineniya, T.3. Moscow: GIHL, pp. 379–513.
9. Hobsbawm E. (1995) Age of Extrimes. The Short Twentieth Century 1914–1991. London, Abacus.
10. Hobsbawm E. (2007) Revolutionaries. London: Abacus.
11. Hobsbawm E. (2017) Fracted Times. Culture and Society in the Twentieth Century. Moscow: AST.
12. Jameson F. (2008) The Ideologies of Theory. London, New York: Verso.
13. Jaspers K. (1969) Kuda dvizhetsya FRG? Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya.
14. Kagarlitsky B. (2017) Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism. Moscow: HSE Publishing House.
15. Krausz T. 1968 – mnogoobrazie istoricheskogo naslediya. Vostochnoevropskij «sluchaj» [online] Available at: https://sceptis.net/library/id_2357.html [Accessed 15 Jul. 2019]
16. Kuhn G. (ed.) (2014) Turning Money into Rebellion: The Unlikely Story of Denmark's Revolutionary Bank Robbers. Edited and translated by Gabriel Kuhn. Montreal, Kersplebedeb.
17. Kyonig H. (2012) Budushchee proshlogo. Nacional-socializm v politicheskom soznanii FRG. Moscow: ROSSPEN.
18. Laclau E, Mouffe C. (1985) Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London: Verso.
19. Lauesen T. (2018) The Global Perspective. Reflections on Imperialism and Resistance, Montreal: Kersplebedeb.
20. Lindsay J.A., Boghossian P., Pluckrose H. (2018) Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship, October 2, 2018 [online] Available at: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> [Accessed 15 Jul. 2019]
21. Lyotard J.-F. (1984) The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press.
22. Mann M. (2012) The Sources of Social Power: Volume 4, Globalizations, 1945–2011, Cambridge University Press.
23. Marcuse H. (2007) One-Dimensional Man. London, New York: Routledge Classics.

24. Marighella C. (2002) Mini manual of the Urban Guerrilla [online] Available at: <https://www.marxists.org/archive/marighella-carlos/1969/06/minimanual-urban-guerrilla/index.htm> [Accessed 15 Jul. 2019]
25. Meinhof U. (2004) Ot protesta k soprotivleniyu. Moscow: Gileja.
26. Oni xotyat nas slomit'. Beseda s politzaklyuchennymi – bojcami RAF [They want to break us. Conversation with political prisoners – activists of the RAF]. № 1, 2003. pp. 24–38.
27. Pozharskaya S.P. (2010) Francisko Franko i ego vremya [The Times of Francisco Franco]. Moscow: OLMA Media Group.
28. Rouillan J.-M. (2013) Nashe delo protiv ix del [online] Available at: https://sceptis.net/library/id_3365.html [Accessed 15 Jul. 2019]
29. Smith A. (2019) European Parliament elections: 5 takeaways from the results. NBCnews, 27.05.2019 [online] Available at: <https://www.nbcnews.com/news/world/european-parliament-elections-5-takeaways-results-n1010491> [Accessed 15 Jul. 2019]
30. Sokal A., Bricmont J. (2003) Intellectual Impostures. Postmodern philosophers' abuse of science. London, Profile Books.
31. Sosnovskij N. (1996) Prognoz pogody na zavtra i vchera [online] Available at: <http://margenta.ru/Zabriski-Rider/stati-nikolaya-sosnovskogo-iz-raznih-nomerov-ZR/prognoz-pogodi-na-zavtra-i-vchera/> [Accessed 15 Jul. 2019]
32. Subcomandante Marcos (2002) Another Revolution. Moscow: Gileja.
33. Tarasov A.N. (2003) Partizanskaya vojna na beregax Rejna // № 1. 2003. P. 9–23.
34. Tarasov A.N. (2008) 1968 god v svete nashego opy'ta [online] Available at: http://sceptis.net/library/id_2274.html [Accessed 15 Jul. 2019]
35. Tarasov A.N. (2008a) Afiny: Evropejskij antiglobalizm v tupike // Sceptis, #5, 2008, pp. 23–31.
36. Tkachev P. (2013) Action directe: zamalchivaemyj opyt polnomasshtabnoj gorodskoj geril'i [online] Available at: https://sceptis.net/library/id_3366.html [Accessed 15 Jul. 2019]
37. Vaneigem R. (2001) The Revolution of Everyday Life. London, Rebel Press.
38. Wallerstein I. (1996) Historical Capitalism with Capitalist Civilization. London, New York, Verso.
39. Zizek S. (2008) The Sublime Object of Ideology. London, New York, Verso

РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ

Илья Полонский

С 1960-х гг. Федеративная Республика Германия считается государством с одним из наиболее многочисленных и активных леворадикальных движений в Европе. Начало 1960-х годов отметилось бурными студенческими волнениями, сотрясавшими всю Западную Европу. ФРГ не стала исключением – здесь на улицы выходили многотысячные демонстрации студенческой молодежи, тон на которых задавали ораторы и пропагандисты ультралевых группировок.

На основе «новых левых» 1960-х гг. сформировалось знаменитое автономное движение. Еще в 1980-е годы социологи и политологи рассуждали о постепенном закате немецких левых, но через 10 лет им пришлось изменить свои взгляды на политическую ситуацию в стране. Начиная с середины 1990-х в ФРГ наблюдается относительный подъем леворадикального движения. В основе этого подъема, безусловно, лежит целый ряд факторов социально-экономического характера.

Первый фактор – последствия воссоединения с ГДР. Жители последней в материальном отношении были обеспечены гораздо хуже, чем их соотечественники из Западной Германии, вдобавок на востоке гораздо сильнее оказалась безработица. Это привело к внутренней миграции из экс-ГДР в западную половину страны.

Во-вторых, очень актуальна проблема миграции и ее последствий для немецкого общества. Сейчас в ФРГ проживает несколько миллионов эмигрантов из Турции – турок и курдов, причем многие из них принадлежат к турецким или курдским леворадикальным организациям. В Германии находятся крупнейшие в Европе представительства турецких и курдских леворадикальных групп, в том числе и вооруженных организаций Курдской рабочей партии и Турецкой марксистско-ленинской партии.

Еще одной причиной, вызвавшей рост леворадикальных настроений среди собственно западногерманской молодежи, стало усиление политических позиций ультраправых партий. Рост влияния националистов вызывает ответную реакцию со стороны той части немецкого политического спектра, которая ориентирована на леворадикальные идеи, представляющие в настоящее время скорее своеобразную хард-вариацию либеральной идеологии: антифашизм, интернационализм и толерантность, гуманизм, экологизм, поддержка сексуальных и национальных меньшинств.

Рассматривая социальный состав немецких ультралевых, можно прийти примерно к тому же выводу, к которому в свое время пришел известный социолог Франкфуртской школы Герберт Маркузе – в условиях современного общества ведущее место в революционной борьбе займет не пролетариат, а т. н. «аутсайдеры», к которым он относил как молодую интеллигенцию и студенчество, так и деклассированные элементы, иностранных эмигрантов, национальные и сексуальные меньшинства. Кроме студенческой молодежи и радикальных интеллигентов, в рядах немецких левых немалую долю составляют безработные молодые люди, как правило, выходцы из восточногерманских федеральных земель.

Доля турецких, курдских или арабских эмигрантов в собственно немецких ультралевых группах невелика, поскольку последние имеют свои многочисленные организации, также действующие на территории Федеративной Республики. Что касается «центров» леворадикального движения, то к таким традиционно относят Берлин (в особенности ту его часть, которая раньше именовалась Западным Берлином), Франкфурт-на-Майне, Мюнхен.

Буйные студенты и городские партизаны

Непосредственным предшественником современного немецкого леворадикального движения можно считать движение «новых левых», получившее широкую известность в связи с массовыми студенческими волнениями в Европе в конце 60-х годов (пик пришелся на 1967-68) и последовавшей за ними волне городского терроризма немногочисленных ультралевых групп.

Появление движения «новых левых» приходится на конец 1950-х – начало 60-х годов, когда в среде студенческой молодежи получили широкую известность теории Франкфуртской школы, философа-экзистенциалиста Ж.П.Сартра и американского «критического социолога» Ч.Р.Миллса. Просоветские компартии обвинялись новыми левыми в оппортунизме и предательстве коммунистических идеалов, поэтому вскоре символами движения стали Троцкий и Мао Цзэдун. Параллельно возник интерес и к подзабытым работам Прудона, Бакунина, Кропоткина и других теоретиков анархизма. Леворадикальные идеи получили особое распространение в университетских центрах.

Крупнейшей организацией леворадикальной студенческой молодежи ФРГ в 1960-х стал Социалистический союз немецких студентов (СДС). Первоначально СДС существовал как молодежная (студенческая) организация при Социал-демократической партии Германии. Однако в 196 °СДС был исключен из партии и фактически перешел на позиции «нового левого» движения. Это «полевение» во многом было вызвано и деятельностью леворадикального журнала «Конкрет», издававшегося Клаусом Райнером Реллем и его супругой Ульрикой Майнхоф. Руководство деятельностью СДС осуществляли Руди Дучке, Берндт Рабель и Юрген Краль. Но подлинным лидером Социалистического союза немецких студентов был все же один Руди Дучке (1940–1979). Студент – философ из Свободного университета Западного Берлина, Дучке изучал марксизм и экзистенциализм, а в 1962 г. основал «Подрывное действие» – немецкую секцию Ситуационистского интернационала (французской радикальной художественно-политической организации, созданной философом Ги Дебором и группой его единомышленников). Во время студенческих выступлений Дучке получил всегерманскую и даже всеевропейскую известность как блестящий оратор и организатор.

Вторым после СДС центром западногерманского левого радикализма стало коммунарное движение. В конце 1960-х годов Германию, как и другие западные страны, буквально захлестнул настоящий бум коммун, совпавший с расцветом движения хиппи. Крупнейшие коммуны действовали в Западном Берлине и в Мюнхене. Западноберлинские хиппи создали Коммуну № 1.

Фриц Тойфель и Коммуна № 1

Из Коммуны № 1 берет свое начало практически весь леворадикальный терроризм ФРГ 1970-х годов. Организаторами Коммуны № 1 были деятели контркультуры Фриц Тойфель и Райнер Лангханс, постоянные участники хэппенингов и альтернативных фестивалей. Вопреки расхожему мнению, обитавшие в Коммуне № 1 хиппи питали интерес не только к наркотикам, групповому сексу и рок-концертам, но и к политическим акциям. Впоследствии из Коммуны № 1 вышли «отцы-основатели» Фракции Красной Армии, включая Андреаса Баадера.

Поводом к переходу немецких ультралевых к террористическим действиям стало убийство 2 июня 1967 года на демонстрации против визита иранского шаха 23-летнего студента Бенно Онезорга, вызвавшее бурю возмущения среди радикальной молодежи. А после того, как 12 марта 1968 полицией был убит Карл Кунц, покушавшийся на крупного бизнесмена, новые левые решили от демонстраций перейти к более экстремистским действиям.

2 апреля 1968 года Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зонляйн взорвали бомбу в одном из магазинов во Франкфурте-на-Майне. Эту дату можно считать началом истории городской партизанской войны, которую немецкие ультралевые развернули против властей ФРГ. В 1970 Баадер, Энслин и примкнувшие к ним адвокат Хорст Малер и журналистка Ульрика Майнхоф создали группу Фракция Красной Армии, ставшую самой известной террористической организацией современной Германии. В идейном отношении РАФ ориентировалась на маоизм и рассматривала свою деятельность как часть всемирной вооруженной борьбы против империализма. Террористическую деятельность РАФ рассматривала как средство пробуждения революционной активности трудящихся масс и ставила конечной целью превращение «революционного ядра» в красную армию и создание красных армий в мировом масштабе.

Идеологической основой деятельности РАФ маоистская концепция о противостоянии мировой деревни (т. е. стран третьего мира и национально-освободительных движений) и мирового города (т. е. капиталистической системы). Несмотря на широкий размах деятельности, численность РАФ не превышала 200–300 человек (в отличие, скажем, от близких по духу итальянских Красных бригад, в которых состояло несколько тысяч радикалов), основную

массу составляли либо выходцы из достаточно обеспеченных семей средней и крупной буржуазии, либо деклассированные элементы и богема. Исследователи говорят, по меньшей мере, о «трех поколениях» РАФ. Почти все деятели «первого призыва» были арестованы или погибли еще в 70-х (до наших дней из четверки «исторических лидеров» РАФ дожил только Хорст Малер, который отошел от левого движения и состоит в либеральной Свободно-демократической партии).

Самой громкой операцией РАФ было похищение и убийство видного капиталиста и леворадикального политика Ганса Мартина Шлейера в 1977 году (после убийства Шлейера полиция обратила все свои силы на поимку террористов, но РАФ продолжала будоражить Германию еще 15 лет).

Условно немецкий леворадикальный терроризм можно разделить на два направления – промаоистское, представленное РАФ, и анархистско-коммунарское, представленное целым рядом более мелких левацких группировок. Если в случае РАФ мы наблюдаем более-менее централизованную и оформленную организацию, то анархисты действовали более спонтанно.

На базе западноберлинской Коммуны № 1 Фриц Тойфель основал Движение 2 июня (Д2), ставшее второй по значению после РАФ левотеррористической организацией. В отличие от РАФ, Движение 2 июня ориентировалось на абстрактное противостояние «Системе», обществу потребления, причем в виду того, что основную массу участников группы составляли хиппи и коммунары, ее деятельность часто содержала театрализованные моменты и откровенные издевательства над буржуазным строем (так, во время одного из налетов на банк коммунары кормили заложников кексами, а Фриц Тойфель во время вынесения приговора на суде встал на голову, желая увидеть своих судей вверх ногами). На базе мюнхенской коммуны (т. н. «мюнхенских коммунардов») возник Южный фронт действий, который просуществовал недолго и в 1971 был разгромлен полицией.

В 1970 году в Бидельбергском университете психиатры Вольфганг и Урсула Хубер создали Социалистический коллектив пациентов (СКП), в который вошли как наблюдаемые ими больные, так и студенты-психологи, увлекавшиеся модной в то время антипсихиатрией (рассматривавшей общество как больное, а психопатов как нормальных людей). Но и СКП просуществовал недолго и вскоре был разгромлен органами безопасности, а из его остатков был создан Информационный центр Красного народного университета, продолживший террористическую деятельность.

В 1973 году в той же коммунарско-анархистской среде возникли Революционные ячейки (RZ), лидерами которых были Иоханнес Вайнрих и Вильфрид Безе. Деятельность Революционных ячеек тесно переплеталась с деятельностью международного террориста Ильича Рамиреса Санчеса (Карлоса Шакала), так совместно с Карлосом RZ провели захват в заложники министров стран-участниц ОПЕК в 1974 году. Основную массу участников RZ составили активисты «Роте Хильфе» (Красная Помощь) и «Шварце Хильфе» (Черная Помощь) – организаций, созданных для помощи политзаключенным коммунистам и анархистам. Волна террора, достигшая пика в середине 1970-х, в 1980-е пошла на убыль и, хотя, террористические действия левацких групп не прекращаются и по сей день, их размах уже не сравнить с 1970-ми гг.

Практически одновременно с небольшими террористическими организациями в ФРГ возникло многочисленное альтернативное движение сквоттеров. Как и террористические организации, движение сквоттеров зародилось в Западном Берлине среди студенчества, хиппи и эмигрантов из Турции. Цены на жилье в Берлине были крайне высокими и далеко не каждый студент, не говоря уже об эмигрантах, мог обеспечить себя квартирой. Более 50 тысяч берлинцев в 1973 году жили под открытым небом. Жилищная проблема привела к появлению целого движения, ориентированного на занятие пустующих строений и организацию в них своих коммун – сквотов. По данным МВД ФРГ, к 1980 в Западном Берлине было около 150 тысяч сквот-

теров, в том числе около 50 тысяч «нормальных горожан», 40 тысяч хиппи и панков и еще около 50 тысяч турецких эмигрантов.

Начиная с декабря 1980, полиция начала массовый штурм сквотов как в Берлине, так и в других городах Германии. Антисквоттерская позиция власти объяснялась еще и тем, что по данным полиции значительная часть сквоттеров принимала участие в деятельности леворадикальных террористических группировок, а в сквотах скрывались террористы. 13 марта 1981 был назван Черной Пятницей. В этот день по всей стране сквоттеры оказали сопротивление полиции, доходящее до настоящих уличных боев. Таким образом, развитие леворадикального движения в 70-е – 80-е годы проходило по двум направлениям – немногочисленные террористические группировки (ориентированные на маоизм или неоанархизм) и массовые альтернативные движения сквоттеров, автономистов и зеленых левых. Естественно, в этот период существовали и политические организации другого типа, прежде всего троцкистские или анархосиндикалистские, но их влияние было крайне незначительным. Тем не менее, большинство существующих в настоящее время немецких ультралевых группировок берут начало в «бурных шестидесятих».

В начале 1970-х годов массовое студенческое движение новых левых пошло на убыль. Руди Дучке после покушения, совершенного фанатиком-нацистом, остался парализованным и в 1980 погиб в результате несчастного случая. Второй после Дучке по популярности студенческий лидер Юрген Краль погиб в автокатастрофе. Оставшись без ярких лидеров, студенческое движение заглохло. Часть его участников отошла от политической деятельности вообще, значительная часть перешла в более умеренные организации, прежде всего в социал-демократическую партию и в только образовавшуюся партию зеленых.

Деятельность новых левых начиная с середины 1970-х годов развивается по двум направлениям – коммунарско-альтернативистскому (массовые движения сквоттеров и автономистов) и террористическому. Последнее включило в себя наиболее экстремистски настроенные группы новых левых, вдохновлявшиеся примерами латиноамериканской герильи. В конце 80-х годов волна леворадикального терроризма по сравнению с 70-ми уменьшилась, но взрывы и покушения, ответственность за которые берут на себя левые экстремисты, продолжают и по сей день.

В 1990-е гг. на территории ФРГ действует, по меньшей мере, 4 крупные организации городских партизан, ориентированные на идеи новых левых и анархизм. Это конгломерат «Антиимпериалистическое сопротивление», «Революционные ячейки», «Комитет» и «Класс против класса». Революционные ячейки (RZ) – пожалуй, старейшая из ныне существующих террористических группировок новых левых. Она была основана в 1973 году при активном участии многих бойцов Движения 2 июня, прежде всего девушек-террористок. Характерной отличительной чертой RZ является подчеркнуто феминистская ориентация – группировка провозглашает своей целью, в том числе и борьбу с империалистическим патриархатом.

В 1994 году ее женская группа, под названием Rote Zora («Рыжая Зора») провела взрыв на судоверфях в Бремене, препятствуя выполнению военного заказа для турецкой армии. Численность RZ в настоящее время колеблется в пределах 40–50 человек, причем две трети боевиков составляют женщины. RZ издает для пропаганды своих взглядов журнал «Роте Зора». Комитет заявил о себе в 1994 взрывом на курорте в Бранденбурге. В 1995 Комитет пытался взорвать строящуюся федеральную тюрьму в Берлине. О своей идейной позиции Комитет говорит как о попытках воздействия на власть для предотвращения конкретных антинародных действий. Класс против класса – западноберлинская группировка, состоящая, прежде всего из активистов автономистского движения. Она специализируется на мелкомасштабных террористических актах, в особенности на поджогах роскошных автомобилей (за одну ночь автономисты из этой группы умудряются уничтожить до 50 автомашин) и уничтожении государственной и частной собственности.

Антиимпериалистическое сопротивление (АС) было создано в 1992 году и представляет собой плохо организованный конгломерат леворадикальных террористических групп, стремящихся выработать общую стратегию форм и методов вооруженной борьбы. Единой точки зрения на характер партизанской борьбы в АС до сих пор не выработано и между образующими движение группами идут постоянные дискуссии по вопросам теории и практики вооруженного сопротивления. Внутри АС можно выделить несколько основных направлений и точек зрения, которых придерживаются те или иные новолевые организации. Первое направление, представленное франкфуртской группой «Никакого согласия», выступает за организационное сплочение боевиков РАФ, участвовавших в герилье в 80-е годы и участие, прежде всего в региональных и антифашистских базовых инициативах. Главной целью борьбы сторонники этого направления считают создание новой революционной контрвласти снизу, которая в конечном счете уничтожит правящий режим. Сторонники другого направления, поддерживаемого Инициативным левым наступлением и группой «Ярама» из Майнца, настаивают на том, что в первую очередь партизанским формированиям следует заняться освобождением находящихся в тюрьмах участников вооруженного сопротивления.

Согласно этой точке зрения, пока хоть один политический заключенный находится в правительственных стенах, главной задачей должна стать борьба за освобождение. Третье направление провозглашает главной целью АС борьбу против империалистического патриархата и угнетения женщин капиталистической системой. Этой точки зрения придерживаются анархо-феминистские Революционные ячейки (RZ), вступившие в Антиимпериалистическое сопротивление в 1995 году. Наконец, в рядах АС действуют группы, ставящие главной целью борьбы противостояние усилению Германии и милитаризации ее внешней политики, а также группы, солидаризирующиеся с курдским, турецким и палестинским революционными освободительными движениями.

Последователи Мао и Че Гевары

Говоря о направлениях в леворадикальном движении современной Германии, можно условно разделить их на две группы. Первую группу образуют сторонники революционного марксизма, т. е. маоисты, геваристы и троцкисты. Вторая группа образована приверженцами немарксистских направлений и включает новых левых, автономистов и анархистов. Помимо собственно немецких леворадикальных организаций на территории ФРГ действуют и эмигрантские группировки ультралевой ориентации, в особенности турецкие и курдские.

Первые маоистские группировки появились в ФРГ в начале 60-х годов в результате раскола коммунистического движения на просоветскую (хрущевскую) и прокитайскую линии. Сторонники сближения с Китаем покинули ряды просоветской компартии и основали собственные организации, получавшие финансовую помощь от китайского правительства. В первое время своего существования численность немецких маоистов была невелика, но уже к концу 60-х годов они вышли едва ли не на первое место в леворадикальном движении благодаря распространению среди студенчества идей китайской культурной революции.

Под влиянием маоистских концепций находились идеологи городской герильи, прежде всего активисты Фракции Красной Армии. РАФ восприняло многие идеи маоизма, в частности тезис о том, что «деревня окружает город» (подразумевается, что развитые капиталистические страны окружены странами третьего мира, в которых необходимо разжечь пожар революционной освободительной войны). По данным полицейского ведомства, численность маоистов и сочувствующих движению к середине 70-х годов достигала 15 тысяч, но все они были разобщены и входили в несколько соперничающих организаций, крупнейшими из которых были Коммунистическая партия Германии (марксистско-ленинская), Западногерманский союз коммунистов и Коммунистический студенческий союз Западного Берлина (немало маоистов было и в составе СДС). В настоящее время маоисты по-прежнему составляют крупный отряд леворадикального движения, и красные знамена с изображением Мао Цзэдуна постоянно присутствуют на всех антиглобалистских выступлениях.

Ведущая маоистская организация ФРГ – Марксистско-ленинская партия Германии (МЛПГ). Она была основана на базе маоистского журнала «Красное утро», издававшегося с ноября 1967 года небольшой коммунистической группой. Официальной идеологией МЛПГ провозглашено «учение Маркса-Энгельса-Ленина-Мао». Себя МЛПГ рассматривает как германский отряд мирового антиимпериалистического революционного движения и авангард сопротивления трудящихся. Партия солидаризуется с национально-освободительными движениями стран третьего мира (принимая на вооружение концепцию о революционной роли развивающихся стран и о глобальном противостоянии мировой деревни и мирового города). Своей организационной структурой МЛПГ копирует германскую компартию 30-х годов. При партии создана группа «Красная помощь» для поддержки политических заключенных, сильные женская и молодежная секции, а также боевые отряды красной гвардии. Численность МЛПГ достигает нескольких тысяч человек (приблизительно около 5–6 тысяч).

В отличие от некоторых других маоистских групп, МЛПГ не является террористической организацией и сводит свою деятельность к постоянному участию в демонстрациях и столкновениях с полицией и неонацистскими группировками (МЛПГ выступает одним из организаторов регулярно проводимых в январе каждого года «демонстраций трех Л» в память о Ленине, Либкнехте и Розе Люксембург). В своей политической деятельности партия тесно сотрудничает с другими левацкими объединениями, прежде всего с автономистами, но наиболее тесные связи налажены с промаоистскими коммунистическими организациями эмигрантов.

Турецкая коммунистическая партия марксистско-ленинская (ТКПм-л), в идеологии ориентированная на маоизм, располагает на территории Германии самым крупным и сильным

своим филиалом в Европе. ТКПм-л с 1975 года ведет в Турции вооруженную партизанскую войну против правительства. Противостояние турецкого правительства и маоистских партизан распространяется и на те страны, в которых проживает значительное количество эмигрантов из Турции, в том числе и на ФРГ. Неоднократно маоисты захватывали турецкие посольства и фирмы, расположенные в Германии, требуя освобождения политических заключенных у себя на родине или смягчения миграционной политики германских властей. По данным немецкой полиции, среди проживающих в Германии турецких эмигрантов, несколько тысяч являются активными участниками леворадикальных подпольных организаций.

Латиноамериканский опыт сельской и городской партизанской войны оказал огромное влияние на становление немецкого леворадикального движения. Эрнесто Че Гевара, Фидель Кастро, Режи Дебре, Карлос Маригелла и другие герои латиноамериканских революционных движений стали кумирами для нескольких поколений европейских новых левых. В Германии появился целый ряд организаций, прямо провозглашающих свою ориентацию на латиноамериканских герильерос. Так, в 1969 существовала группа «Тупамарос Западного Берлина», образцом для которой были уругвайские тупамарос – городские партизаны. Сейчас к геваристам относится несколько более или менее значительных левацких организаций, предпочитающих в качестве основной формы борьбы городскую партизанскую войну.

Крупнейшей геваристской организацией ФРГ была группировка «Антиимпериалистические ячейки сопротивления имени Нади Зехадах» (АИЗ), основанная в 1994 году и ориентированные на идейный и практический опыт латиноамериканских революционных движений, Фракции Красной Армии и палестинских террористов. Свою деятельность АИЗ рассматривает как протест против милитаризации внешней политики ФРГ, эксплуатации немецкими монополиями трудящихся стран третьего мира и преследования курдских и турецких политических эмигрантов германскими властями. Главной формой деятельности АИЗ, согласно коммунике организации, является «проведение вооруженных операций против элиты ФРГ по месту жительства и работы».

За период с 1994 по 2000 гг. антиимпериалисты организовали ряд террористических актов, в том числе взрывы в домах федеральных чиновников и у посольства Перу. Со стороны других немецких ультралевых АИЗ подвергается критике за возможность гибели случайных людей, на что идеологи организации отвечают, что «большинство метрополии само решает, состоятся ли подобные акции». Антиимпериалистические ячейки поддерживают тесные связи с Курдской рабочей партией, Перуанской коммунистической партией и палестинскими национально-освободительными организациями.

Гудрун Энслин и Андреас Баадер на суде по делу о поджоге

Первые немецкие троцкистские группы появились еще в 30-е годы и перед войной были практически разгромлены гитлеровским режимом (за исключением тех коммунистов, кто успел эмигрировать в США). Возрождение троцкистского движения в Германии связано с возникшим в конце 60-х годов среди «новой левой» молодежи интереса к произведениям Л.Д.Троцкого. Примерно в середине 60-х и возникли основные троцкистские организации современной Германии. Все они ориентируются на различные, соперничающие между собой троцкистские тенденции. Приоритетными формами деятельности для немецких троцкистов выступают антиглобалистская и антифашистская борьба и агитация среди промышленного пролетариата и студенческой молодежи.

Сторонники полного безвластия

Анархистское движение в Германии имеет давние традиции. До прихода к власти нацистов в стране существовали многочисленные анархистские организации и профсоюзы, ориентированные на синдикализм. В Берлине до 1933 года находилась и штаб-квартира Международной Ассоциации Трудящихся/Анархо-Синдикалистского Интернационала (МАТ/АИТ). Нацистский режим практически уничтожил основную массу немецких анархистов, и вплоть до 60-х годов численность анархистских групп была крайне незначительной. Возрождение анархизма в ФРГ приходится на середину 60-х годов и связано с возникновением у студенческой массы небывалого интереса к леворадикальным политическим учениям, в том числе и к теории безгосударственного социализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.